

КОНСТРУИРУЯ «СОВЕТСКОЕ»? РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ И ПОИСКИ ИДЕНТИЧНОСТИ.

Введение

Роман Бугаев, Рауф Шумяков

*Роман Бугаев, кафедра международных отношений, зарубежного регионоведения и туризма, Тюменский государственный университет, Россия.
rbugaev@eu.spb.ru.*

Рауф Шумяков, факультет истории, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия. rshumyakov@eu.spb.ru.

В исследованиях науки уже устоялся тезис о разделении в регионах на «провинциальную» и «туземную» науку, разницу между которыми видят именно в представлении о том, на что научное исследование нацелено. Согласно этому разделению, в рамках «провинциальной» науки исследователи стремятся к производству знания, с оглядкой на локальный контекст ориентируясь на глобальные процессы, а адепты «туземной» – преимущественно заикливаются сами на себе (Соколов и Титаев 2013). Однако если, даже ставя во главу угла важность широких историографических рамок, вести речь об отечественных исследованиях по региональной истории России, близких к области краеведческой литературы, большая их часть остается замкнутой в самой себе, редко выходя на уровень сравнительного анализа (Болтунова 2022). Одновременно с этим стал общепринятым тезис о том, что учет взгляда обеих сторон необходим для анализа как центра, так и регионов. В такой ситуации особенно парадоксальным оказывается то, что история регионов получает больший шанс стать замеченной через доступ к ресурсам «столиц»: будь то путем публикаций в «столичных» журналах, выступлений на конференциях, учебы, стажировок или трудоустройства. Последнее, пожалуй, справедливо и в отношении авторов этого специального номера журнала: из семи исследователей, включая авторов данного введения, лишь один родился в столице, еще один родом из Московской области, а остальные представляют «регионы» России; при этом все учились, учатся и/или работают в крупнейших городах – Москве или Санкт-Петербурге.

Что регион дает нам как аналитический инструмент? Какие проблемы порождает использование этого термина? Как в процессе построения локальной идентичности создается образ региона и что в этом процессе играет наибольшую роль? Как подходить к анализу регионов, используя их собственную точку зрения? Наконец, какие специфические отношения выстраивались между «центром» и «периферией» на советском и постсоветском пространстве? Эти вопросы были поставлены во главу угла XVII конференции студентов, аспирантов и молодых

исследователей «Конструируя “советское”? Региональное разнообразие и поиски идентичности». Организованная факультетами истории и антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге (ЕУСПб) в 2023 году, она объединила более 30 историков, антропологов, социологов и филологов из 7 городов России. По результатам конференции и был подготовлен данный спецвыпуск.

Ставшее центральным для прошедшей конференции, понятие «регион» проблемно именно потому, что редко становится предметом исследовательской рефлексии. Кажущееся самоочевидным, оно таит в себе множество противоречий. Аналогичным образом самоочевидным часто представляется и само деление на регионы, границы между которыми на деле сильно зависят от ракурса и степени приближения исследователя, сконцентрированного на макро- или микрорегионе (Сандерленд 2021). В меньшей степени подобная неотрефлексированность характерна для раннесоветского периода, когда нестабильность политических границ в сочетании с напряжением между экономическим и национальным факторами при проектировании границ автономий и республик вызывали повышенную чувствительность к «региональному» (см. Hirsch 2005). Более ригидным, производным от административно-территориальных границ страны Советов, понимание «региона» оказывается в научной литературе по позднесоветской (послесталинской) истории СССР. Так, в значимых исследованиях последних лет, посвященных вертикали власти как многоакторной сети, отчетливо заметно недостаточное внимание к самому термину «регион». Хотя авторы и показывают, как партийное руководство принимало решения (Хлевнюк и Горлицкий [2020] 2024) или как управленческие решения реализовывались в ситуации борьбы между министерствами (Стась 2025), в том числе указывая на региональных участников как ключевых субъектов управленческих и политических процессов, в исследовательский фокус подобных работ не входит экспликация термина «регион». Более того, даже в концептуальной литературе по позднесоветскому периоду регионы мыслятся лишь как локации, где через вымывание дискурса власти возникают «пространства внеаходимости» (Юрчак [2005] 2014), или как места переосмысления официальной идеологии (Фокин 2017), при этом «регион» как аналитическое понятие также не выходит на передний план.

Одновременно с этим нельзя сказать, что обсуждаемое понятие вообще не рефлексзируется в исследовательском сообществе. Существует целый пласт литературы, посвященный региональной истории (см. Болтунова 2022; Репина 2019; Raleigh 2001; Retish et al. 2015; Smith-Peter 2004, 2011), а с начала 2000-х годов по этой теме активно проводятся конференции и выходят программные статьи (Морозова 2025). Более того, в 2023 году в Перми и Екатеринбурге прошла конференция «Региональные столицы России», где исследователи не просто акцентировали внимание на дихотомии «столица–регион», но проблематизировали трансляцию идеи «центр–периферия» внутрь самих регионов (см. Суржикова 2023). Одновременно с этим в издательстве ЕУСПб независимо от нашей конференции увидел свет сборник «Российские региональные столицы: развитие, основанное на культуре» (Карпова 2023). Внимание исследователей привлекает также политика памяти в регионах (Миллер и др. 2023). Все это говорит о том, что специалисты в области

Russian/(post-)Soviet studies все шире ставят вопрос о применении понятия «регион» как специфической аналитической рамки, акцентирующей переплетение пространства и идентичности, а также подчеркивающей растущее стремление к смещению исследовательского фокуса с центра на регион (Болтунова 2022).

В этой связи представляется важным кратко обрисовать тот спектр идей, в котором происходит осмысление понятия «регион» как несамоочевидной структуры. Последнее прежде всего основано на том, что регионы могут быть выделены по абсолютно различным признакам: от административных до экономических, национальных, культурных, конфессиональных и т. д. Вместе с тем, как указывает историк Екатерина Болтунова (2022), тренд в региональной историографии на поиск разнообразия – этнического, языкового, социокультурного, экономического – приводит к перекосу в сторону изучения «чужого», что в свою очередь ведет к выпадению из фокуса исследователей роли местных социальных, профессиональных и гендерных групп.

Сложности в исследовании регионов добавляет и то, что помимо различных специфических аналитических фокусов, к которым можно прибегать при делении территории на регионы, сами границы регионов меняются с течением времени (Глебов 2013; Ремнев 2004; Сандерленд 2021). Одновременно с этим большую роль играет и степень приближения исследовательской линзы: регионы выделяются внутри национальных образований, а также как наднациональные комплексы, нередко игнорирующие административные границы (Морозова 2025; Репина 2019). Кроме того, внутри они могут дробиться на еще более мелкие элементы, такие как провинции (Smith-Peter 2019) или локальности (Raleigh 2001).

Сам термин «регион» часто противопоставляется или, наоборот, становится синонимичным целому спектру других концептов, таких как «периферия», «окраина», «провинция» или «локальное/местное». Такая пестрота связана с различиями в трактовке термина и подходах к его использованию. В этой статье мы постарались сгруппировать ключевые идеи и течения, которые можно проследить в новейших работах¹. Не ко всем из приведенных ниже комплексов идей применим только один специфичный термин и синоним понятия «регион». По этой причине мы использовали группировку идей, основываясь на наиболее используемом синониме, но настаивая скорее на метафорическом понимании каждого из них и не давая четкого определения. Более того, представленные ниже взгляды на регион не следует рассматривать как жестко отделенные друг от друга: в реальных исследованиях они часто комбинируются между собой. Тем не менее существующую между ними разницу в исследовательском фокусе важно подчеркнуть.

Региональное как периферийное. Нередко термин «регион» становится синонимом понятия «периферия», и в этом случае описание и анализ первого становится неразрывно связанным с дихотомией «центр–периферия» (см. Раскоlec 2024). Кроме того, вышесказанное выводит нас на более широкие размышления о том, что регион в принципе может осмысляться лишь в контексте других регио-

¹ Подробный и наиболее полный список исследований по теме регионов можно найти в следующих историографических работах: Болтунова (2022); Морозова (2025); Репина (2019).

нов, с которыми он граничит; иначе невозможно установить границы анализируемого объекта (Сандерленд 2021). Вдобавок речь идет не только о сравнении с центром, но и регионов друг с другом. Однако обсуждаемая дихотомия «центр–регион/периферия» обуславливает не только восприятие регионов как мест отсталости и маргинальности в обыденном смысле. В исследовательской литературе она приводит к тому, что сам «центр» зачастую перестает мыслиться как такой же регион и чаще выступает в роли «нейтральной аналитической единицы» (Болтунова 2022:240), необходимой для анализа той или иной периферийной единицы. Более того, вышеописанное усугубляется еще и тем, что сам «центр» в историографии часто не осмысливается как единый, а распадается на множество небольших районов и городов. Этот принцип игнорирования центра присущ не только исследованиям, но и самой структуре Советского Союза, где РСФСР обычно напрямую ассоциировалась с целым государством, не имея по этой причине специфических республиканских институтов. Указанная особенность восприятия «центра» воплощала в себе тот антиимпериалистический интернационалистский нарратив, согласно которому первостепенной оказывалась помощь «отсталым» и «угнетенным» нациям в ущерб «великорусскому шовинизму» (Hirsch 2005; Martin 2001; Slezkine 1994).

Региональное как окраинное. Связанный с темой периферии термин «окраина» преимущественно используется в современных исследованиях Российской империи, в частности в «новой истории империй» (Глебов 2013; Долбилов и Миллер 2006; Сандерленд 2021). В отличие от предыдущей эта оптика делает акцент на понимании целой системы через ее взаимодействие с регионом, за счет чего не происходит жесткого выстраивания модели «центр–периферия». Именно в таких исследованиях с теоретической точки зрения тема регионов разработана в наибольшей степени, поскольку анализ управления окраинами явился ключом для понимания многих вопросов, связанных с многоакторной системой Российской империи. Представители этого направления исследуют регионы не столько как территории на карте (Сандерленд 2021), сколько как результат взаимодействия различных элит и социальных групп (Репина 2019). Они изучают структуру, методы и логику конкретных акторов этой большой системы, потому что их интересует связь регионов с Москвой и Санкт-Петербургом, а не потому что первые удалены от последних (Долбилов и Миллер 2006; Ремнев 2004). Подобный взгляд стал одной из самых продуктивных аналитических рамок, применяемых к исследованию регионов. Осмысление их в таком ключе тяготеет также к более широкой историографии постколониальных исследований, где предметом анализа уже давно стали не только колонии, но и сами метрополии (Чакрабартти [2000] 2021). Однако здесь стоит констатировать, что многоакторность, становящаяся предметом исследования различных работ по советской истории, пока недостаточно апеллирует к термину «регион», упуская из внимания вопросы объединения участников по принципам территориальности и идентичности (Болтунова 2022:240–241).

Региональное как локальное/местное в глобальном. В рамках данного подхода авторы нередко стараются говорить о региональном, избегая обозначенной выше дихотомии «центр–периферия» и рассматривая регион скорее как ме-

сто событий. В этом смысле последний оказывается напрямую связанным с изучением микромиров (Севастьянова 2008) и в целом с антропологическим поворотом в исторических науках. Исследования специфических сюжетов, которые не всегда разворачиваются в административных регионах, продуктивно обращаются к антропологическим подходам, смещая внимание на специфику региона. Однако подобного рода исследования зачастую ограничены проникновением дихотомии «центр–регион» внутрь исследования не как аналитического инструмента, но как базовой теоретической посылки. Последняя может не осознаваться автором, чей анализ сводится к поиску черт «центра» в локальном. Более того, набирает популярность тенденция «укрупнения» исследовательской линзы, когда авторы обращаются к анализу «региональных столиц». В этой ситуации на локальном уровне воспроизводится модель «центр–периферия» (Суржикова 2023). Такое смещение фокуса кажется нам полезным – оно детализирует отношения внутри самих регионов, которые перестают восприниматься как гомогенные пространства. Однако несмотря на то, что сама концепция региона в локальном аспекте предполагает широкие перспективы для сравнения, а также включения локального в глобальное (наиболее фундаментально к этому вопросу подходит Бруно Латур ([2017] 2019), формулируя концепцию «глокальности» и прилагая ее к анализу Франции) и историю трансферов (Репина 2019), в отечественной историографии – в том числе советского периода – по-прежнему мало исследований, действительно выходящих на такой аналитический уровень. Чаще всего проанализированные местные сюжеты остаются замкнутыми на себе, тогда как англоязычная литература в основном стремится преодолеть данную преграду (Cusco 2017; Sabol 2017; Zeisler-Vralsted 2014).

Региональное как провинциальное. Последний блок связан с анализом регионов сразу в двух перспективах – культурной и пространственной. Так как для исторических исследований регион оказывается важен не столько как территория, сколько как пространство, где реализуются взаимодействия между разными акторами, то в результате он также рассматривается как социокультурный конструкт, связанный с идентичностью местного сообщества. Такой исследовательский ракурс обусловлен культурным поворотом, произошедшим в гуманитарных науках во второй половине XX века (Репина 2019). Важно отметить при этом, что, располагаясь в «пространстве сознания», термин «регион» одновременно опирается на существующий ландшафт (Сандерленд 2021). Данный взгляд также подкрепляется подходами, применяемыми для изучения местных сообществ и локальной памяти о регионах (Миллер и др. 2023). Однако в контексте исследования региона с различных сторон все описанные культурные стороны оказываются сопряжены с интересом к физическому пространству, которое в рамках «пространственного поворота» как раз комбинирует анализ реального и воображаемого пространства (Smith-Peter 2019:7). По итогу именно в рамках этого подхода происходит наибольший отрыв аналитической рамки от стандартных административных границ регионов, отсылая нас к бескрайности и сложно локализуемому содержанию термина «провинция», а также специфическому взгляду с уровня самой провинции (Абашин 2015; Глебов 2013).

Переходя к обсуждению статей, вошедших в настоящий спецвыпуск, мы обязаны акцентировать внимание на парадоксе, создающем связь исследований, представленных здесь, с историографией регионов. Как отмечает Болтунова (2022), историография отчетливо делится на два блока: создаваемая столичной наукой и создаваемая в регионах местными историками и краеведами. Зачастую эти два блока историографии существуют в параллельных мирах и опираются на отличные друг от друга источники. Авторы статей настоящего номера пытались комбинировать эти два уровня, демонстрируя взгляд на историю регионов как из центра, так и из самих регионов. Безусловно, предлагаемые материалы не могут охватить все тематическое и концептуальное разнообразие исследований «советского» в региональном измерении, однако, на наш взгляд, способны дать представление об основных концепциях и актуальных исследовательских подходах в работе с этим феноменом.

Авторы статей работают с различными типами источников, применяя к ним целый спектр исследовательских методов и подходов. В фокусе их внимания не только традиционные материалы делопроизводства и публицистика, дневники и переписка, но также интервью и наблюдения, собранные в процессе полевой работы. Таким образом, исследования регионов проводятся не только за счет погружения в специфику публично-политического взаимодействия разных участников, но также через переход на уровень региона и предельное внимание к этой перспективе (Абашин 2015:48).

География представленных в тематическом блоке исследований не может быть локализована в одном конкретном регионе. Все четыре текста посвящены широкой сети акторов – от местных союзов увечных воинов революционной России, активно продвигавших идеи о политической субъектности ветеранов, до чехословацкой журналистки, в 1960-х годах описавшей службы знакомств для одиноких людей. С хронологической точки зрения в выпуске охвачен преимущественно позднесоветский период, анализу которого посвящены три текста; еще один сфокусирован на событиях, имевших место на заре советской истории.

Открывает блок статья Ольги Охотниковой о сообществе увечных воинов в 1917–1918 годах, их самоорганизации и саморепрезентации. Военные инвалиды и их политический орган – Союз увечных воинов, возникший в ходе Февральской революции 1917 года, – не раз попадали в поле зрения историков, но тем не менее оставались на периферии исследовательских интересов, поскольку история «эпохи войн и революций» традиционно тяготеет к проблеме борьбы за власть, будь то борьба партий, борьба армий или борьба символов (см. Колоницкий [2001] 2012, 2022; Колоницкий и др. 2025). Наряду с ретроспективным взглядом историков, и некоторые активисты Союза увечных воинов, невзирая на стремление утвердить свой особый статус как потерявших здоровье за отечество, осознавали свой периферийный статус по части доступа к материальным ресурсам и месту в картографии власти. Это осознание сквозило, например, в речи председателя II съезда увечных воинов в июне 1918 года, выражавшего надежду, что «там в центре» их голос будет услышан Советской властью.

Вместе с тем проблема, которую рассматривает Охотникова, далеко не периферийна: на примере военных инвалидов она реконструирует процесс субъективации социальной группы. Последнему способствовали институционализация через создание сети союзов увечных, участие в определении государственной политики в отношении собственной группы и дискурсивное производство знания о том, кто такой увечный воин. Коммуникация центра и регионов, как показывает автор, происходила сверху вниз: центр производил и транслировал на места дискурс о военной инвалидности, стремился дисциплинировать местные союзы, выступая арбитром в спорах между ними и медиатором в конфликтах с местными властями. Роль координатора и информатора внутри сообщества сочеталась с функцией его представителя вовне. Последнее, в частности, проявлялось в отстаивании интересов сообщества во властных структурах через участие в комиссиях и составление ходатайств о законодательном закреплении перечня прав и льгот «увечного воина». Вместе с тем у некоторых региональных союзов оказывались собственные ресурсы и возможности для равноправного диалога с «центром». Динамику взаимодействия центрального и региональных союзов автор демонстрирует в контексте стремительно менявшихся политических условий Революции 1917 года и Гражданской войны.

В статье, исследующей ритуалы поездок Никиты Хрущева по СССР в 1957–1964 годах, Татьяна Петрова тоже уделяет значительное место теме производства дискурса «в центре» и его трансляции на места. Однако, в отличие от предыдущего текста, в фокус ее внимания попадает и физическое перемещение Хрущева в регионы. Поездки первого секретаря ЦК КПСС анализируются как «сценарии власти», нацеленные на создание нового образа демократического лидера в противовес образу Иосифа Сталина. Автора прежде всего интересует, как имидж Хрущева создавался и тиражировался путем региональных турне, а точнее как имидж (целенаправленно созданный властью) соотносился с его образом (представления о лидере, сложившиеся у целевой аудитории). Одновременно Петрова отмечает, что такие поездки использовались центром для продвижения на местах принятых в Москве решений. В посещении Хрущевым того или иного региона прослеживается четкая цель – утвердить правомерность и эффективность намерений и действий центра на местах. В этом смысле центр конструировал сам себя прежде всего во взаимодействии с регионами. Тем не менее и сами регионы зачастую оказывались лишенными субъектности, воспроизводя принятые традиции встреч и создания картин благополучия, а стремление Хрущева наладить обратный канал связи от регионов к центру наталкивалось на непонимание локальных акторов. Вместо демонстрации всесоюзному лидеру «реального» положения на местах региональные элиты конструировали картину того, как в их представлении центр должен был воображать себе сам регион.

В заключении Петрова приходит к выводу, что поездки политического лидера по стране были важной новацией советской политической культуры. Вместе с тем потенциал этого сценария власти не был в полной мере использован: Хрущеву и его окружению не удалось создать образ демократического лидера. Вопреки изначальному замыслу авторитарные черты первого секретаря выступали на пер-

вый план, а его взаимодействие с народом воспроизводило скорее директивный принцип создания имиджа в сталинский период – трансляцию сверху вниз. Таким образом, статья значительно дополняет существующую историографию (см., например, Плампер 2010; Хлевнюк и Горлицкий [2020] 2024) в понимании того, как советская власть использовала региональное пространство для конструирования образа власти и конкретных руководителей.

Статья Михаила Кулагина об одиночестве и организационных решениях по его преодолению в позднесоветский период по-своему продолжает тематику конструирования образа регионов, расширяя фокус за счет учета повседневной жизни советских граждан. В недавней обзорной статье об историографии региональной истории России Екатерина Болтунова отметила, «что гендерная история российских регионов, в том числе территорий с колоссальной диспропорцией мужского и женского населения (Север, Сибирь, Дальний Восток), пока не только не написана, но даже не осмыслена как проблемное в исследовательском отношении поле» (2022:239). Кулагин показывает, что эта проблема сама по себе была осознана еще в 1960–1970-е годы: концентрация производств с однородным составом работников в определенных регионах, приводившая к гендерному дисбалансу, формировала целые «инфраструктурные кластеры одиночества». Таким «одиноким» регионом, к примеру, оказывался Крайний Север. Дискуссия по этому вопросу, как демонстрирует автор, определила смещение в советском способе управления населением (см. Holquist 1997), включив личную жизнь индивидов в плановые расчеты.

Кроме того, автор рассматривает различные технологии преодоления одиночества: вечера «Для тех, кому за 30», в которых он видит гетеротопии (в понимании Мишеля Фуко); брачные объявления, прошедшие через идеологическую нейтрализацию и техническую корректировку формы прежде чем стать «советским» феноменом; наконец, службы знакомств, благодаря чехословацкому опыту попавшие в поле зрения советских граждан в 1960-е годы, но пустившие корни в Советском Союзе лишь в 1980-е. Через обращение к этим способам Кулагину удастся показать мобильность идей и технологий, пускавшихся в ход для борьбы с новым общественным недугом, а также выделить передовые центры по их генерации – Чехословакию, ГДР, прибалтийские республики СССР. Помимо этого, цепь практик, направленных на избавление от одиночества, в итоге способствовала индивидуализации советского гражданина. Автор подчеркивает, что именно газеты становились главной точкой сборки одиночества. Обсуждение в редакции «Литературной газеты» связало его с современностью и городом, тем самым дав феномену пространственную и временную привязку. Таким образом, позднесоветские эксперты находили решение проблемы одиночества в организации контактов путем создания специализированных сред и инфраструктур. И пока одни советские граждане знакомились в пространстве вечеров «Для тех, кому за 30», другие писали брачные объявления и заводили анкеты в службах знакомств, порой для заветной встречи пускаясь в продолжительные поездки по стране.

Настоящую тематическую подборку завершает эссе Ивана Сапогова и Вадима Данилова. Они исследуют советское силикатное узорочье, под которым понимают

распространившуюся в позднем Советском Союзе контрастную выкладку узоров, фигур или лозунгов кирпичом на жилых домах и общественных зданиях. Авторы поднимают вопросы об агентности каменщиков, выкладывавших подобные композиции, а также о роли самих визуальных образов – не только в городском пространстве регионов, но и в визуальной культуре СССР в целом. Сапогов и Данилов в наибольшей степени фокусируются на субъектности авторов силикатного узорочья, трансформировавших визуальные образы построек не только по заказу «сверху», но и реализуя личную инициативу, что порой становилось поводом для конфликтов с начальством. Однако вместе с тем авторы прослеживают, что несмотря на официальные попытки устранить излишества в проектировании и строительстве, связанные с «десталинизацией» архитектуры в середине 1950-х годов, строители и архитекторы продолжали создавать пилястры, наличники, карнизы и другие украшения, используя для этого силикатный или красный кирпич.

Важным аспектом в сравнении центра и регионов для авторов оказывается различная темпоральность в образе архитектуры. Так, в разговоре с архангельским исследователем архитектуры они обнаружили, что дом 1973 года постройки воспринимался собеседником как «ранний» модернизм, тогда как в Москве то было время модернизма «зрелого»: застройка Архангельска панельными домами началась лишь с 1970-х годов. Различной оказывается и идеологическая составляющая в силикатном узорочье: политизированные лозунги, такие как «Миру мир» или «Имя и дело Ленина будут жить вечно», а также юбилейные даты соседствуют с Олимпийским Мишкой, Чебурашкой или оленями – символами, заимствованными из повседневности и интерьера. Их символическое объединение свидетельствует, по мнению авторов, о размывании идеологической нагрузки (Юрчак [2005] 2014) и превращении всех узоров в общий «ковер» позднесоветского.

Таким образом, данный спецвыпуск вписывается в формирующееся пространство дискуссий о «регионе» как аналитической категории. Сделанный в статьях акцент на политической агентности и культурно-пространственной составляющей советских регионов позволяет подчеркнуть, что пристальное внимание к «региональному» на советском материале приближает нас к более нюансированному пониманию «советского» как такового.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абашин, Сергей. 2015. *Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией*. М.: Новое литературное обозрение.
- Болтунова, Екатерина. 2022. «Региональная история России: исследовательское поле и архивная практика (1990-е – начало 2020-х годов)». *Новое литературное обозрение* 6(178):235–250. https://doi.org/10.53953/08696365_2022_178_6_235.
- Глебов, Сергей, ред. 2013. *Регион в истории империи: исторические эссе о Сибири*. М.: Новое издательство.
- Долбилов, Михаил и Алексей Миллер, ред. 2006. *Западные окраины Российской империи*. М.: Новое литературное обозрение.
- Карпова, Ольга, ред. 2023. *Российские региональные столицы: развитие, основанное на культуре: сборник статей*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

- Колоницкий, Борис. (2001) 2012. *Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года*. СПб.: Лики России.
- Колоницкий, Борис, ред. 2022. *Слова и конфликты: язык противостояния и эскалация гражданской войны в России: сборник статей*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Колоницкий, Борис, Константин Годунов, Александр Резник, Константин Тарасов, Дмитрий Иванов и Рауф Шумяков. 2025. *Имя раздора: политическое использование понятия «гражданская война» (1917–1918): коллективная монография*. М.: Новое литературное обозрение.
- Латур, Бруно. (2017) 2019. *Где приземлиться? Опыт политической ориентации*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Миллер, Алексей, Ольга Малинова и Дмитрий Ефременко, ред. 2023. *Политика памяти в России – региональное измерение: коллективная монография*. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН.
- Морозова, Полина. 2025. «Местное: регион и провинция в историографии истории России». *Вестник Пермского университета. История* 1(68):116–128. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2025-1-116-128>.
- Плампер, Ян. 2010. *Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве*. М.: Новое литературное обозрение.
- Раскоlec, Виктор. 2024. «Наука позднего сталинизма в призме теории “центр–периферия” (на примере вузов Томска)». *Вестник Томского государственного университета. История* 92:160–170.
- Ремнев, Анатолий. 2004. «Региональный нарратив в новой имперской истории». *Вестник Омского университета* 4:6–13.
- Репина, Лорина. 2019. «История регионов, или “Территория историка” после пространственного поворота». *Диалог со временем* 69:5–16. <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.69.46413>.
- Сандерленд, Виллард. 2021. «Введение». С. 7–29 в *Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на)значение*, под ред. Екатерины Болтуновой и Вилларда Сандерленда. М.: Новое литературное обозрение.
- Севастьянова, Алла. 2008. *Жизнь в центре рая. Советский райцентр 50-х – 60-х годов XX века*. М.: Древлехранилище.
- Соколов, Михаил и Кирилл Титаев. 2013. «Провинциальная и туземная наука». *Антропологический форум* 19:239–275.
- Стась, Игорь, ред. 2025. *Советская ведомственность: коллективная монография*. М.: Новое литературное обозрение.
- Суржикова, Наталья, ред. 2023. *Региональные столицы России – точки опоры и роста: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Екатеринбург – Пермь, 20–22 сентября 2023 г.)*. Екатеринбург: Альфа Принт.
- Фокин, Александр. 2017. «Коммунизм не за горами»: образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов. М.: РОССПЭН.
- Хлевнюк, Олег и Йорам Горлицкий. (2020) 2024. *Секретари: региональные сети в СССР от Сталина до Брежнева*. М.: Новое литературное обозрение.
- Чакрабартти, Дипеш. (2000) 2021. *Провинциализируя Европу*. М.: Музей современного искусства «Гараж».
- Юрчак, Алексей. (2005) 2014. *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение.
- Cusco, Andrei. 2017. *A Contested Borderland: Competing Russian and Romanian Visions of Bessarabia in the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries*. Budapest: Central European University Press.
- Hirsch, Francine. 2005. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca, NY: Cornell University Press.

- Holquist, Peter. 1997. "Information Is the Alpha and Omega of Our Work': Bolshevik Surveillance in Its Pan-European Context." *Journal of Modern History* 69(3):415–450.
- Martin, Terry. 2001. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Raleigh, Donald. 2001. "Introduction." Pp. 1–13 in *Provincial Landscapes: Local Dimensions of Soviet Power, 1917–1953*, edited by Donald Raleigh. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press.
- Retish, Aaron, Liudmila Novikova, and Sarah Badcock. 2015. "Introduction: A Kaleidoscope of Revolutions." Pp. 1–15 in *Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–22, bk. 1, Russia's Revolution in Regional Perspective*, edited by Sarah Badcock, Liudmila G. Novikova, and Aaron B. Retish. Bloomington, IN: Slavica.
- Sabol, Steven. 2017. *"The Touch of Civilization": Comparing American and Russian Internal Colonization*. Boulder: University Press of Colorado.
- Slezkine, Yuri. 1994. "The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism." *Slavic Review* 53(2):414–452.
- Smith-Peter, Susan. 2004. "How to Write a Region: Local and Regional Historiography." *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 5(3):527–542.
- Smith-Peter, Susan. 2011. "Bringing the Provinces into Focus: Subnational Spaces in the Recent Historiography of Russia." *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 12(4):835–848.
- Smith-Peter, Susan. 2019. *Imagining Russian Regions: Subnational Identity and Civil Society in Nineteenth-Century Russia*. Leiden, Netherlands: Brill.
- Zeisler-Vralsted, Dorothy. 2014. *Rivers, Memory, and Nation-Building: A History of the Volga and Mississippi Rivers*. New York: Berghahn Books.